

острого кататонического возбуждения:

«В два часа пополуночи «арестант, дотоле удивительно спокойный и даже заснувший (а на деле пребывающий в ступорозном состоянии — Н.Б.), вдруг зашумел, стал неистово бить кулаками в дверь, с неестественной силой оторвал от оконца в дверях железную решетку, разбил стекло и разрезал себе руки».

Поразительно, насколько Достоевский точен даже в отдельных деталях своего описания: ведь при кататоническом возбуждении больной не будет метаться по комнате, его тело может быть даже неподвижно — буйствуют одни руки.

Парадоксальным образом происшедший припадок приносит всем облегчение: обществу становится наконец-таки ясно, что сотворивший все эти несурезицы человек попросту болен, а у нарушителя общественного спокойствия вслед за припадком неистового буйства следует вполне закономерное в таких случаях улучшение состояния здоровья. Увы, полного выздоровления у Ставрогина не произойдет, несмотря на двухмесячное домашнее лечение по рекомендациям «известного врача из Москвы» и последующие «путешествия по заграницам».

Ах, если б этим можно было помочь всем несчастным! Герой Достоевского по-прежнему остается больным человеком, за маской какого-то «загадочного сфинкса» таящим совершенное душевное оупение. «Он ничего не ищет, ни к чему определенному не стремится, — констатирует в своем анализе Дмитрий Александрович Аменицкий, — никого не любит, чужд всяких привязанностей. Для него нет ничего святого, ничего морально ценного, ничего такого, что заставило бы дрогнуть сердечные струны самого заурядного человека». Благодаря этому Ставрогин оказывается, к изумлению, а то и к восхищению окружающих, способным стоически переносить «удары судьбы» и сохранять

видимое душевное спокойствие «в самые, казалось бы, критические моменты его жизни», как, например, при получении оплеухи от Шатова.

Замечательно, что среди почитателей творчества Достоевского находят-ся люди, считающие за благо брать в этом отношении со Ставрогина пример! Однако то, что кажется иным геройством или даже высочайшим уровнем духовности, по сути, оказывается лишь «проявлением безыдейных волевых тормозов, с одной стороны, и импульсивных порывов, с другой». В определенных обстоятельствах жизни душевная тупость проступает во всей своей ужасающей наготы. Когда, например, Николай Всеволодович без тени какого-либо смущения, обыденно и твердо признается матери в нелепой женитьбе на Лебядкиной, или когда он общается с членами тайного общества, руководимого Верховенским-младшим, не проявляя своих симпатий ни к целям организации, ни к ее участникам. Его отношение к этим людям такое же, как и к петербургским «бессапожным чиновникам», к компании капитана Лебядкина с Федькой-каторжным и другим темным элементам. Герой Достоевского как бы и вправду претворяет в жизнь резонерскую идею «соединения со всем сущим». Между тем опустошение его личности неуклонно нарастает, что и приводит, в конце концов, к самоубийству. В свете всего сказанного оно выглядит закономерно: человеку уже нечем жить, и он бессильно валится, словно ствол давно прогнившего дерева.

Чрезвычайно интересно, кто мог послужить прототипом образа Ставрогина? Пока это неизвестно. Широко распространено мнение, что в этом любимом, по признанию самого создателя, образе отразились черты одной из ярчайших фигур ближайшего окружения Достоевского 40-х годов — Николая Спешнева. Однако при всей «многоумной спокойной непроницаемости» этого человека, при всей его холодности и загадочности, при всей, так и хочется сказать, инакости в кругу общения, никаких убедительных